

Демографический облик поколения «революционного перелома» русской деревни первой половины 1920-х гг.

Владимир Александрович Ипполитов *, Владимир Борисович Безгин
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5
*Адрес для переписки: vladimir.ippolitov@mail.ru

Актуальность. Исследован демографический портрет крестьянства первой половины 1920-х гг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения русского крестьянства поколения «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX–XX веков). Цель – дать развернутую демографическую характеристику указанной возрастной когорты сельского социума в период масштабных социально-политических потрясений.

Материалы и методы. В целях определения факторов, влиявших на модель демографического поведения крестьян, проанализированы статистические сборники по Воронежской, Орловской, Курской и Тамбовской губерниям. Для данных источников характерно наличие объективных данных по населению с минимальными идеологическими искажениями. Сделан акцент на основных демографических показателях: рождаемость, смертность, брачность, естественный прирост населения. Использован широкий пласт материалов, основанных на переписях, опросах, специальных исследованиях и наблюдениях. Также рассмотрены труды видных этнографов 1920-х гг.

Результаты исследования. Проанализированы особенности демографического поведения поколения «революционного перелома» периода новой экономической политики. Изучено влияние войн и революций на семейное поведение крестьян. Рассмотрены особенности заключения браков и совершения разводов. Исследована специфика компенсаторной рождаемости после череды войн. Установлены основные причины смертности крестьян поколения «революционного перелома». Также определены факторы увеличения продолжительности жизни и снижения уровня смертности деревенского населения.

Выводы. На основании широкого круга источников сделан вывод о противоречивости модели демографического поведения крестьян данного поколения, в котором сочетались элементы традиционализма и модернистские черты.

Ключевые слова: крестьянство, поколения, демографический портрет, рождаемость, смертность, уровень грамотности, естественный прирост

Благодарность и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Вклад в статью: Ипполитов В.А. – поиск и анализ научной литературы, работа с архивными документами и материалами, написание части текста статьи, редактирование текста статьи; Безгин В.Б. – концепция исследования, научное консультирование, анализ литературы и источников, написание части текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Ипполитов В.А., Безгин В.Б.* Демографический облик поколения «революционного перелома» российской деревни первой половины 1920-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 5. С. 1458-1470. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-5-1458-1470>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-5-1458-1470>

Demographic profile of the “revolutionary turning point” generation of the Russian village in the first half of the 1920s

Vladimir A. Ippolitov *, Vladimir B. Bezgin

Tambov State Technical University

106/5 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

*Corresponding author: vladimir.ippolitov@mail.ru

Importance. The demographic portrait of peasantry in the first half of the 1920s is examined. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive study of the Russian peasantry of the “revolutionary turning point” generation (born at the turn of the 19th and 20th centuries). The purpose of the research is to provide a detailed demographic description of the specified age cohort of rural society during a period of large-scale socio-political upheavals.

Materials and Methods. The authors focus on the main demographic indicators: birth rate, mortality, marriage rate, and natural population growth. In order to determine the factors that influenced the model of demographic behaviour of peasants, statistical collections for the Voronezh, Oryol, Kursk, and Tambov provinces are analysed. These sources are characterised by the presence of objective data on the population with minimal ideological distortions. The paper uses a wide range of materials based on censuses, surveys, special studies, and observations. The works of prominent ethnographers of the 1920s are also considered.

Results and Discussion. The authors have analysed the demographic behaviour of the “revolutionary turning point” generation during the new economic policy period. The influence of wars and revolutions on the family behaviour of peasants is studied. The features of marriage and divorce are considered. The specifics of compensatory birth rate after a series of wars are examined. The main causes of mortality among peasants of the “revolutionary turning point” generation are established. The factors increasing life expectancy and decreasing the mortality rate of the rural population have also been determined.

Conclusion. Based on a wide range of sources, the conclusion is made about the contradictory model of demographic behaviour of peasants of this generation, which combined elements of traditionalism and modernist features.

Keywords: peasantry, generations, demographic portrait, birth rate, mortality, literacy rate, natural increase

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Authors' contribution. Ippolitov V.A. – scientific literature search and analysis, work with archival documents and materials, part of manuscript text drafting, manuscript text editing. Bezgin V.B. – study conception, study conception, literature and sources analysis, part of manuscript text drafting, final manuscript approval.

Conflict of Interests. The authors declare no conflict of interests.

For citation: Ippolitov, V.A., & Bezgin, V.B. (2024). Demographic profile of the “revolutionary turning point” generation of the Russian village in the first half of the 1920s. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 5, pp. 1458-1470. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-5-1458-1470>

АКТУАЛЬНОСТЬ

В последнее время внимание историков привлекает поколенческая история крестьянского социума. Советские исследователи по идеологическим причинам концентрировали внимание на классово-экономической характеристике российского крестьянства первой трети XX века. Только с конца 1980-х гг. историки получили возможность объективного изучения демографических и поколенческих особенностей периода революционных потрясений. Демографические процессы внутри крестьянства в 1920-е гг. являлись предметом исследования С.А. Есикова [1], Д.В. Давыдова [2], В.Б. Жиромской [3], В.А. Исупова [4], Р.Е. Романова [5] и др. Несмотря на обилие работ по данной теме, на наш взгляд, поколенческий аспект истории крестьянства является недостаточно исследованным. Стоит согласиться с одним из основателей крестьяноведения Т. Шаниным, который отмечал, что «без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и влияния поколенчества на наше понимание истории и на историю нельзя понять многое из происходящего» [6, с. 11].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выбрано поколение «революционного перелома», к которому историки относят родившихся приблизительно в 1890-е гг. [7–10]. Люди, появившиеся на свет в этот период, являлись ведущей возрастной когортой поколения «революционного перелома», которое сформировалось под влиянием общественно-политических потрясений первой трети XX века. Современные социологи по-разному определяют «длину» поколения [11, с. 28], учитывая специфику темы, мы остановились на временном промежутке в 10–15 лет. Представители

данного поколения приняли активное участие в судьбоносных для страны событиях 1905–1930 гг. Цель исследования – дать развернутую демографическую характеристику указанной возрастной когорты в первой половине 1920-х гг.

Общепринятого научного определения понятия «демографический портрет» не существует. В данном исследовании под ним понимаем совокупность таких демографических характеристик, как рождаемость, смертность, брачность. Данные критерии позволяют исследовать поколенческую динамику российской деревни.

Территориальные рамки исследования включают в основном губернии Центрального Черноземья: Воронежскую, Орловскую, Курскую и Тамбовскую. Эти губернии являлись типичными аграрными регионами, что позволяет экстраполировать полученные выводы на всю территорию Европейской части страны.

Источником для исследования стали статистические сборники, изданные в период нэпа по народонаселению Центрального Черноземья. В 1920-е гг. губернские статистические бюро выпустили значительное количество ценных социально-демографических сборников. Ученые использовали материалы переписей, опросов, специальных исследований и наблюдений в экономической, социальной и культурной сферах. Несмотря на некоторую идеологическую цензуру, эти сборники дают объективную картину жизни советской деревни и города. Составители продолжали традиции земской статистики и активно пользовались её материалами. С конца 1920-х гг. объективные данные по народонаселению становятся недоступными для исследователей, поэтому изучение демографии фактически прекратилось.

Базовым источником для ученых являлась Всероссийская сельскохозяйственная

перепись 1920 г., которая позволяет оценить демографическое состояние крестьянства в конце Гражданской войны. Стоит заметить, что статистика той поры дает не всегда точные сведения из-за тяжелейшего социального кризиса. Так, значительное количество мужского населения не было учтено по причине мобилизации в РККА. Более точные данные о народонаселении были получены в ходе переписи 1926 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На демографическое состояние российского крестьянства начала XX века глубочайшее влияние оказали факторы экзогенного порядка. Прежде всего, это кровопролитные войны (Первая мировая и Гражданская) и кардинальные политические и социально-экономические потрясения и кризисы (революции 1905–1907 гг. и 1917 г.). В.Б. Жиромская утверждает, основываясь на данных переписи населения 1926 г., что больше всего в войнах пострадала возрастная категория от 25 до 29 лет [12, с. 47]. Люди этой возрастной когорты родилась в 1897–1901 гг. Можно сделать вывод, что мужская часть поколения «революционного перелома» пострадала в войнах сильнее других. Кроме того, тяжелыми оказались потери от голода 1921–1922 гг. Все эти факторы оказали деформирующее влияние на состояние поколения эпохи «революционного перелома». В этих условиях население страны вступает в длительный процесс демографического перехода, под которым ученые подразумевают переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения [12, с. 10].

К 1920 г. сельское население Центрально-Черноземного региона составляло 90,7 %¹. В августе 1920 г., когда проводилась перепись населения, крестьянам поколения «револю-

¹ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. губисполкома. Орел: Орловский губстатотдел, Вып. 1: Территория. Население. Народное здравоохранение. Правонарушения. Народное просвещение. Городское хозяйство, 1927. С. 20.

ционного перелома» было приблизительно от 20 до 30 лет. Степень грамотности взрослого населения позволяет оценить образовательный уровень всего социума. В Тамбовской губернии образованных крестьян изучаемой выборки в возрасте 20–24 года было 71,9 %, в 25–29 лет – 70,9 %². Уровень грамотности среди сельского населения Курской губернии мужского пола составлял 70,2 %, а женского пола – всего 25,1 %³. В то же время среди поколения 30–39-летних образованных было соответственно 39,3 и 4,5 %⁴. Более высокий уровень грамотности мужчин объясняется возросшей мобильностью населения, которая способствовала получению образования. Следует отметить резко усилившееся социокультурное влияние города на рубеже веков, особенно на молодое поколение крестьян. Крестьяне поколения «революционного перелома» к началу 1920-х гг. демонстрировали постепенный отход от традиционализма. Тем не менее, женщины во многом оставались под влиянием патриархального быта деревни, что не способствовало повышению грамотности.

Перепись 1920 г. зафиксировала искаженную войнами и революцией половозрастную структуру населения. В Воронежской губернии среди изучаемого поколения (20–29 лет) преобладание женщин над мужчинами составляло 8 %. В старшем поколении перекося в сторону женщин был заметно ниже 2,3 %. В целом по Центральному Черноземью на 1000 мужчин приходилось 1112 женщин⁵.

Причина подобного явления кроется в мобилизации и высоких потерях на фронтах Первой мировой и Гражданской войн.

² Статистический справочник по Тамбовской губернии. Издание Тамбовского горисполкома. Тамбов: Пролетарский светоч, 1925. С. 31.

³ Статистический сборник по Курской губернии. Курск: Курское губстатбюро и Губплан (Труды Курского губернского статистического бюро), Вып. 2: Население по переписи 1920 года, 1926. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. губисполкома. С. 20.

Таблица 1
Браки по возрасту и семейному состоянию брачующихся за 1925 г. в Воронежской губернии
Table 1
Marriages by age and marital status of intending spouses in 1925 in Voronezh gubernia

Возраст женихов	Семейное состояние женихов				Возраст невест	Семейное состояние невест			
	Холост	Вдовец	Разведен	Итого		Девича	Вдова	Разведена	Итого
20–24 года	9692	362	918	10972	20–24 года	9149	360	912	10421
25–29 лет	2309	528	537	3374	25–29 лет	1230	816	613	2659
30–34 года	497	418	301	1216	30–34 года	174	547	239	960
35–39 лет	179	396	173	748	35–39 лет	58	398	119	575

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе: Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный стат. сб. / сост. Воронеж. губстатбюро; под ред. и с введ. Ив. К. Воронова. Воронеж: Воронеж. тип.-лит., 1927. Вып. 2. С. 28.

Source: calculated and compiled by the authors based on: Iv. consolidated statistical collection "Population and economy of Voronezh gubernia". Compiled by the Voronezh Gubernia statistical bureau; edited and introduced by Iv. K. Voronov. Voronezh, Voronezh typological-literary press, 1927, issue 2, p. 28.

В начале 1920-х гг. исследуемая возрастная когорта насчитывала 11,1 % от всего сельского населения Воронежской губернии⁶. Аналогичный показатель по Тамбовской губернии в 1920 г. составлял 11 %⁷. Совпадение показателей по двум губерниям позволяет экстраполировать эти данные на всю территорию Центрального Черноземья.

Материалы Курского губернского статистического бюро за 1923–1924 гг. позволяют проследить демографическое поведение крестьян поколения «революционного перелома». По данным этнографов, коэффициент брачности населения в 1920–1924 гг. равнялся 11,9, а в довоенный период 1899–1913 г. – 8,48⁸. Подобный рост объясняется компенсаторной рождаемостью после череды войн с огромными демографическими потерями. Важнейшим фактором была демобилизация Красной армии, которая привела к возвращению мужского населения. В 1920 г. 63,9 %

сельского населения Воронежской губернии состояло в браке⁹. В то же время в когда-то патриархальной деревне довольно частым явлением становятся добрачные половые отношения [13, с. 96].

В Орловской губернии максимальная брачность населения приходилась на 1921, 1922 и 1923 гг. Причиной являлось создание семей мобилизованными, вернувшимися с войны¹⁰. Максимум браков среди крестьян губернии в 1920–1926 гг. приходился на ноябрь и февраль. Именно эти месяцы были наиболее удобны для создания семьи, учитывая уборку урожая и организацию празднования. Минимум браков заключалось в период церковных постов. Здесь, как видим, на выбор времени создания семьи продолжали влиять православные традиции.

К 1920 г. подавляющее большинство крестьян поколения «революционного перелома» состояла в браке. В Воронежской губернии в возрастной группе 20–25 лет в браке состояло 70 %, в 25–30 лет – 82,9 %. Холостые мужчины и девицы составляли соответственно – 21,9 и 7 %. Вдовых насчитывалось в 20–25 лет 3 % и в 25–29 лет – 5,3 %¹⁰.

⁶ Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный статистический сборник / сост. Воронеж. губстатбюро; под ред. и с введ. Ив. К. Воронова. Воронеж: Воронеж. тип.-лит., Вып. 1, 1925. С. 5.

⁷ Статистический справочник по Тамбовской губернии за 1926 год. Тамбов: Пролетарский светоч, 1926. С. 12.

⁸ Статистический сборник по Курской губернии. Курск: Курское губстатбюро и Губплан, 1926–1927. (Труды Курского губернского статистического бюро), Вып. 1: Естественное движение населения, 1926. С. 7.

⁹ Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный статистический сборник / сост. Воронеж. Губстатбюро. Вып. 1. С. 14.

¹⁰ Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный статистический сборник. Вып. 1. С. 14.

Таблица 2

Распределение разводящихся по возрастным группам за 1925 г. в Воронежской губернии
Table 2
Distribution of divorcees by age group in 1925 in Voronezh gubernia

Возраст мужа	В каком браке состоял				Возраст жены	В каком браке состояла			
	В первом браке	Во втором браке	В третьем браке	Итого		В первом браке	Во втором браке	В третьем браке	Итого
20–24 года	1151	97	1	1249	20–24 года	1170	133	2	1305
25–29 лет	577	100	1	681	25–29 лет	501	141	3	645
30–34 года	236	76	–	321	30–34 года	167	105	1	273
35–39 лет	143	75	5	223	35–39 лет	102	68	3	173

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе: Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный стат. сб. Вып. 2. С. 29.

Source: calculated and compiled by the authors based on consolidated statistical collection “Population and economy of Voronezh gubernia”. Issue 2, p. 29.

В сельской местности продолжала существовать традиция раннего создания семьи. В 1923 г. по Курской губернии процент вступающих в брак мужчин возраста 25–29 лет составлял 16,8 %, 30–34 года – 5,76. Для сравнения: среди представителей «младшего» поколения 20–24 лет процент брачующихся составлял 47,23 %¹¹. Возраст вступления в брак крестьянок традиционно был существенно ниже. В 1923 г. женщины этого поколения в основном были уже замужем. В возрасте 25–29 лет доля селянок, вышедших замуж, составляла 10,28 %, в 30–34 года – 3,6 %. В то же время среди 18–24-летних этот показатель составлял 73,1 %¹². По данным табл. 1, в 1925 г. основная масса крестьян вступала в брак в возрасте до 25 лет. Большинство вдов и вдовцов изучаемого поколения вступали в брак повторно в возрасте 25–29 лет.

Годы войн и революционных потрясений внесли изменения в соотношение возрастов брачующихся крестьян. Если в 1898–1902 гг. в Курской губернии число браков, где жених был старше невесты, составляло 70,8 %, то в 1923–1924 гг. – уже 45,84 %. Соответственно, в годы нэпа количество браков однодочек

составляло 39,5 %, а в 1898–1902 гг. – 11 %¹³. Тенденция сближения возрастов брачующихся, вероятно, связана с модернизационным воздействием города на деревню.

В дореволюционное время расторжение брака было связано с большими трудностями, поэтому встречалось редко. Политика советской власти в семейных отношениях упростила этот процесс, а число разводов резко увеличилось. Особенно важной была замена церковного брака гражданским в 1918 г. В первой половине 1920-х гг. наблюдалась тенденция увеличения числа разводов в Европейской части России: в 1920 г. – 19 тысяч, а в 1922 г. – 32 тысячи [14, с. 152].

В 1923 г. в Тамбовской губернии (включая города), разводы составляли 11,8 % к общему количеству браков¹⁴. В деревне, где процесс ломки патриархальных отношений шел медленнее, разводов было меньше. Например, в Курской губернии в 1924 г. на 1000 браков в деревне насчитывалось 63,9 развода, а в городе – 72,2¹⁵. Наибольшее количество

¹³ Статистический сборник по Курской губернии. Курск: Курское губстатбюро и Губплан, 1926–1927. Вып. 1. С. 19.

¹⁴ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Издание Тамбовского горисполкома. С. 35.

¹⁵ Статистический сборник по Курской губернии. Курск: Курское губстатбюро и Губплан, 1926–1927. Вып. 1. С. 21.

во расторжений брака падало на зимний период. В 1925 г. в Воронежской губернии основная масса разводящихся приходилась на молодежь 20–24 лет (табл. 2). Старшие возрастные группы были сильнее привержены патриархальным семейным традициям. Повторные разводы оставались в деревне редкостью. Количество крестьян, разведившихся во второй раз, было более чем в 2–5 раз меньшим. Статистика зафиксировала лишь единичные случаи третьего расторжения брака.

В Воронежской губернии среди крестьян 20–25-летнего возраста разведенных насчитывалось – 0,6 %, среди 25–29-летних – 0,6 %. В более старшем возрасте доля разводов была еще ниже: 30–39 лет – 0,4 %, 40–49 лет – 0,2 %¹⁶.

В Орловской губернии в 1920 г. отмечен довольно высокий процент браков вдовцов с вдовами 20,3 % и холостых с вдовами 7,7 %¹⁷. Здесь, видимо, сыграло важную роль обстоятельство, что за время войны значительное количество вдов сумели создать экономически крепкие хозяйства. Возвратившиеся с войны крестьяне могли поправить с помощью такого брака свое имущественное положение. Экономический фактор оказывал решающее воздействие на выбор партнера для создания семьи.

В целом по стране уровень рождаемости в деревне времен нэпа уступал дореволюционным показателям. Например, по данным статистики, рождаемость в Курской губернии после окончания Гражданской войны была ниже уровня начала XX века. Так, рождаемость в 1908–1913 гг. на 1000 человек составляла 45,87, а в 1922–1923 гг. – 42,44¹⁸. Снижение уровня рождаемости было вызвано хозяйственным упадком и оттоком мужского населения по причине мобилизации. По сравнению с концом XIX века (52,52 на 1000 человек в 1882–1891 гг.) снижение ро-

ждаемости становится все более заметным. Этот демографический переход пока еще только обозначился, но сложная ситуация в стране делала его неизбежным.

В Орловской губернии уровень рождаемости 1913 г. был достигнут только в 1925 г.¹⁹ В Воронежской губернии естественный прирост населения в первой половине 1920-х гг. превысил довоенные показатели. В 1902–1911 гг. количество жителей региона увеличивалась в год на 1,4 %. К 1924 г. аналогичный показатель составлял почти вдвое больше – 2,6 %²⁰. Причиной подобного роста было увеличение рождаемости после Гражданской войны.

Пик рождаемости в период нэпа приходится на 1925 год. В Орловской губернии в этом году на 1000 сельских жителей рождается 49,7 ребенка. Примечательно, что этот показатель превысил данные за 1913 год на 10,5 %²¹. Но уже в 1926 г. количество рождений сильно сокращается. Работники Орловского губернского статистического отдела связывали это с увеличением числа аборт. Только по официальным данным по отношению к 1924 г. в 1926 г. искусственных прерываний зачатий стало на 75 % больше²².

В середине 1920-х гг. аборт в деревне перестал считаться чем-то необычным. В основном процедура проводилась самым примитивным образом – путем прокалывания матки или употребления хинина [13, с. 98]. Нередко «услуги» подпольных «аборт-махеров» вели к смерти пациентки. В письме в редакцию «Крестьянской газеты» от 12 ноября 1925 г. автор приводил следующий эпизод. «В с. Павловке Знаменской волости Тамбовского уезда молодая крестьянка Григорьева Александра забеременела, но родить не желала, потому что она не была замужем. Она

¹⁶ Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный статистический сборник. Вып. 1. С. 14.

¹⁷ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. Губисполкома. С. 51.

¹⁸ Статистический сборник по Курской губернии. Курск: Курское губстатбюро и Губплан, 1926–1927. Вып. 1. С. 24.

¹⁹ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. Губисполкома. С. 52.

²⁰ Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный статистический сборник. Вып. 1. С. 18.

²¹ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. Губисполкома. С. 42.

²² Там же. С. 43.

пошла в другое село Никольское к бабке, которая сделала ей искусственный выкидыш. За что и взяла с нее носильные вещи на сумму 20 рублей. В результате аборта она заболела и умерла в возрасте 22 лет. Ведется следствие»²³. Даже в условиях легализации аборт и борьбы с религиозными предрассудками факты плодизгнания продолжали оставаться в селе явлением редким. По данным за 1925 г. (10 губерний), число полных аборт на 1000 населения в городах составляло 9,1, а в сельской местности – 0,5. Следует также учесть, что из 100 аборт в сельской местности собственно на крестьянок приходилось лишь 49,6 %²⁴.

Показательны мотивы медицинских аборт. По данным Наркомздрава РСФСР за 1925 г., 33 % пациенток свое обращение за разрешением на аборт объясняли материальной нуждой, 32 % – причиной многодетности, а 20 % – желанием скрыть беременность²⁵. Последняя причина объяснялась боязнью худой молвы. Число крестьянок, сделавших аборт с целью скрыть беременность, было вдвое больше, чем работниц, и втрое, чем служащих [17, с. 975].

Одним из последствий отхода от патриархальных семейных ценностей стал рост рождений от незарегистрированных браков. Только за 1923–1924 гг. во всех уездах Курской области доля незаконнорожденных детей на 1000 человек увеличилась на 5–10 %²⁶. Всего по губернии в 1924 г. их было 18,4 %. В 1909–1910 гг. этот показатель составлял всего 6,71 %. Город существенно опережал деревню: там без регистрации в 1924 г. рождалось 77,52 ребенка на 1000 человек. В сельской местности – только 16,42. В пригородах и поселках городского типа этот показатель лишь незначительно превышал сель-

ские 18,87²⁷. Влияние «городских нравов» в этой местности еще слабо проявлялось. Рост количества рожденных детей в незарегистрированных отношениях объяснялся уравнением в личных и имущественных правах с детьми, появившимися в браке. Налицо также общая модернизация семейно-брачных отношений в послереволюционный период.

В начале 1920-х гг. несколько снизился такой важнейший демографический показатель, как смертность населения. В Курской губернии на 1000 человек в 1882–1891 гг. умирало 37,45. По данным советской статистики, аналогичный показатель в 1920–1924 гг. составлял 24,4²⁸. Снижение смертности произошло за счет повышения уровня медицинского обслуживания и санитарной грамотности населения. Но низкий уровень здравоохранения в деревне приводил к более высокой смертности, чем в городах. В 1924 г. горожан на 1000 душ умирало в год 17,04 человека, а земледельцев – 21,04²⁹.

В период нэпа смертность населения зависела во многом от сезонных заболеваний. В Орловской губернии наибольшее количество смертей в январе–феврале приходилось на разные виды тифа. Летом умирали преимущественно от дизентерии, а осенью – от гриппа³⁰. Меньше всего умирало людей в сентябре–ноябре, что являлось следствием хорошего питания в начале реализации урожая.

Смертность среди крестьян поколения «революционного перелома» Курской губернии на 1000 человек в 1923 г. в возрасте 20–29 лет составляла 58,65. В когорте 30–39 лет смертность была 46,54³¹. Данные показатели являются средними по сравнению с другими возрастными группами. Так, в 1–4 года умирало 193,28, в 70 лет и выше – 64,88³². В 1925 г.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Там же. С. 38.

³⁰ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. Губисполкома. С. 44.

³¹ Статистический сборник по Курской губернии. Курск: Курское губстатбюро и Губплан, 1926–1927. Вып. 1. С. 39.

³² Там же. С. 39.

по Воронежской губернии смертность относительно общего числа умерших крестьян среди 25–29-летних составляла 2,3 %, 30–39-летних – 3,1 %³³. Самыми распространенными причинами смерти людей среднего возраста были тиф, туберкулез, воспаление легких (табл. 3).

В Орловской губернии, по данным статистики, люди среднего возраста (20–30 лет) умирали преимущественно от чахотки (туберкулез) – 30,1 %. Также крестьяне этого возраста были подвержены случайным внешним причинам (войны и т. д.) – 11,3 %. В этот же период впервые появлялись случаи смерти от рака и других злокачественных новообразований³⁴. Низкий уровень развития системы здравоохранения в сельской местности привел к тому, что большинство учтенных случаев попадали в категорию скончавшихся от неустановленной болезни. Уровень самоубийств в деревне был невысок – 0,4–0,9 % всех смертей. Низкий уровень суицида был обусловлен высокой степенью религиозности крестьян.

Отношение к младшим членам семьи в крестьянских семьях нельзя назвать особенно теплым. В 1920-е гг., как и в старину, их использовали в основном для технических целей – подать или сделать что-то. В.А. Мурин приводил свои наблюдения о быте в деревне Можайского уезда, где каждый взрослый обязательно применял рукоприкладство к детям. Объяснение таких поступков было стандартное: «Так, не подвертывайся под руку!» [13, с. 17].

В годы нэпа меняется характер взаимоотношений между членами крестьянских семей. До 1917 г. порка детей считалась обычным и даже необходимым воспитательным приемом. К 1926 г., по наблюдениям этнографов, порок почти не было, хотя «крепкие» ссоры довольно часты [13, с. 12]. Молодежь активно конфликтовала с родителями по

³³ Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный статистический сборник. Вып. 2. С. 21.

³⁴ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. Губисполкома. С. 57.

Таблица 3
Умершие по возрастным группам
и главным причинам смерти
в сельской местности
Воронежской губернии за 1925 г.

Table 3
Died by age groups and main causes
of death in rural areas of Voronezh gubernia
in 1925

Название болезни	Возрастные группы		
	20–24 года	25–39 лет	30–39 лет
Тиф неопределенной формы	129	77	105
Брюшной тиф	27	31	32
Сибирская язва	20	20	23
Бугорчатка легких (туберкулез)	511	476	578
Сифилис	6	7	9
Болезни сердца	26	32	65
Воспаление легких	93	90	129
Болезни желудка	11	21	38
Болезни мочевых органов	16	26	40
Болезни беременных и после родов	75	59	101
Смерть от внешних причин	72	37	42
Самоубийство	17	14	9
Внезапная смерть и неуказанные болезни	615	541	764
Внезапная смерть и неуказанные болезни	615	541	764
Всего	1804	1610	2219

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе: Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный стат. сб. Вып. 2. С. 26–27.

Source: calculated and compiled by the authors based on consolidated statistical collection “Population and economy of Voronezh gubernia”, issue 2, p. 26–27.

поводу денег, одежды, религии и политических убеждений. Множество подобных фактов свидетельствовали о наличии межпоколенческого разлома в деревне. По данным этнографа, на вопрос о взаимоотношениях с родителями большинство молодых людей отвечали: «Родители сами по себе, а я сам по себе» [13, с. 12].

Важнейшим фактором, определяющим качество и продолжительность жизни, является питание. В 1920 г., до введения нэпа, питание горожан было лучше, чем в деревне.

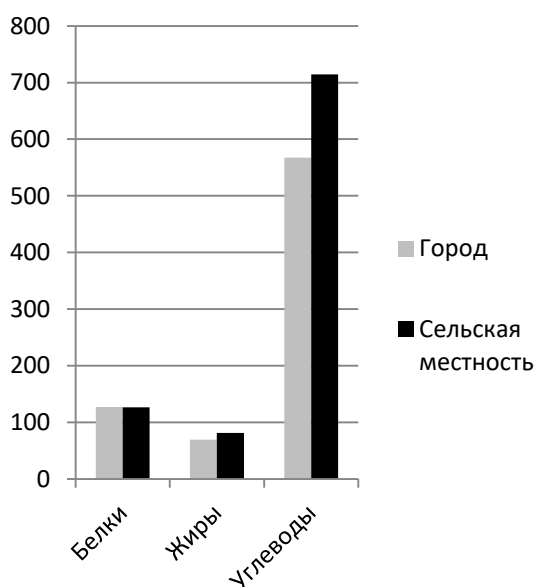

Рис. 1. Состав пищи городского и сельского населения (количество грамм на одного взрослого едока в октябре 1924 г.)

Fig. 1. Nutritional composition of urban and rural populations (gram per adult in October 1924)

Источник: построено авторами по: Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный стат. сб. Вып. 1. С. 64.

Source: constructed by the authors based on consolidated statistical collection “Population and economy of Voronezh gubernia”, issue 1, p. 66.

Согласно данным этнографа А.М. Большакова, в 1920 г. крестьяне Горицкой волости Тверской губернии в среднем в день потребляли 1903 граммов пищи: белков – 74, жиров – 33, углеводов – 473 [15, с. 168]. Крайне низкий уровень питания был обусловлен хозяйственной разрухой в стране в годы Гражданской войны. Сельчане употребляли в основном растительную пищу, что объясняет преобладание углеводов. После 1921 г. ситуация меняется, крестьяне начинают потреблять больше продуктов. Сравнение питания воронежского городского и сельского населения в середине 1920-х гг. представлено на рис. 1 и 2. Неурожай 1924–1925 гг. привел к снижению потребления углеводов и жиров в деревне. При этом наличие в пище углеводов в

деревне оставалось большим, чем в городе. Пик продовольственных затруднений приходился на май–июнь 1925 г.

Рассмотрение двух важнейших демографических показателей – рождаемости и смертности – позволяет оценить уровень естественного прироста населения. В 1920 г. естественный прирост населения в Курской губернии снизился на 30,5 % по сравнению с 1913 г. В Тамбовской губернии в этом году естественный прирост населения был отрицательным –0,8 (на 1000 человек). Восстановление нормальных темпов увеличения численности социума началось с 1921 г. В 1923 г. естественный прирост населения уездов без городов в Тамбовской губернии в расчете на 1000 человек составил 21,2³⁵.

К 1924 г. в Курской губернии компенсаторная рождаемость позволила превзойти довоенный прирост на 24,3 %³⁶. В Воронежской губернии в 1924 г. прирост населения

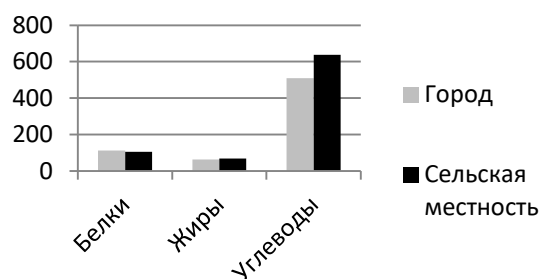

Рис. 2. Состав пищи городского и сельского населения (количество грамм на одного взрослого едока в феврале 1925 г.)

Fig. 2. Nutritional composition of urban and rural populations (gram per adult in February 1925)

Источник: построено авторами по: Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный стат. сб. Вып. 1. С. 64.

Source: constructed by the authors based on consolidated statistical collection “Population and economy of Voronezh gubernia”, issue 1, p. 66.

³⁵ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Издание Тамбовского горисполкома. С. 35.

³⁶ Статистический сборник по Курской губернии. Курск: Курское губстатбюро и Губплан, 1926–1927. Вып. 1. С. 60.

из расчета на 1000 человек составил 26 %, относительно общего количества населения – 2,6 %³⁷. Помимо высокой рождаемости, существенную роль в росте населения сыграло понижение уровня смертности.

Рост рождаемости естественным образом ухудшал ситуацию аграрного перенаселения. В 1897 г. плотность населения Воронежской губернии составляла 40,2 человека на квадратный километр, а в 1925 г. 50,2³⁸. Сравнение населения Орловской губернии по переписям 1897 г. и 1926 г. показало рост населения на 22 %⁴⁰. Следовательно, мировая и Гражданская войны только замедлили нарастание процесса аграрного перенаселения.

ВЫВОДЫ

Крестьяне поколения «революционного перелома» оказались самой пострадавшей возрастной когортой в результате Первой мировой и Гражданской войн. Тяжелые потери на фронтах привели к преобладанию женщин над мужчинами. В то же время после периода революционных потрясений и войн крестьяне данного поколения демонстрируют компенсаторный уровень рождаемости и брачности. Но довоенные показатели рождаемости в деревне так и не были достигнуты.

Модернизирующее влияние города проявилось в увеличении числа грамотных крестьян, в основном мужского пола. Наблюда-

лись симптомы кризиса патриархальной семьи: сближение возраста брачующихся, рост числа разводов и повторных вступлений в брак, незарегистрированные отношения. Начинается процесс перехода к нуклеарной семье. В то же время в 1920-е гг. крестьянская семья на данном этапе модернизации демонстрировала традиционно высокую устойчивость. На демографическое поведение еще заметно влияние религии.

В мирных условиях первой половины 1920-х гг. в крестьянском социуме начинают проявляться признаки демографического перехода: снижение смертности, медленное уменьшение количества членов семьи и количества детей, увеличение числа разводов. На рост естественного прироста населения не в последнюю роль повлияло улучшение качества питания.

Крестьянский социум в целом и поколение «революционного перелома» еще оставалось в рамках традиционного демографического поведения. Но катаклизмы начала XX века ускорили тренд на модернизацию семейно-брачных отношений. Модель семейного поведения поколения «революционного перелома» была полна противоречий: патриархальные традиции сочетались с чертами демографического перехода. Немаловажную роль в кризисе традиционной деревни играли и межпоколенческие конфликты³⁹.

³⁹ Статистический сборник Орловской губернии, 1924–1926 гг. / РСФСР, Стат. отд. Орлов. Губисполкома. С. 18.

³⁷ Составлено авторами по: Население и хозяйство Воронежской губернии: сводный статистический сборник. Вып. 1. С. 17.

³⁸ Там же. С. 1.

Список источников

1. Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 126 с. <https://elibrary.ru/qqemsn>
2. Давыдов Д.В. Крестьянство ТАССР в условиях нэпа: историко-демографическая характеристика. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 227 с. <https://elibrary.ru/qpuzoj>
3. Жиромская В.Б. Демографическая характеристика экономически активного населения РСФСР в 1920-е гг. – середине 1930-х гг. // Общество: философия, история. Культура. 2018. № 4. С. 66-70. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.4.14>, <https://elibrary.ru/yvqvrx>
4. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: ист.-демогр. очерки. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 244 с. <https://elibrary.ru/tzvtfp>

5. Романов Р.Е. «Дети нэпа»: юные труженики сибирского тыла как экономико-демографический феномен (1920-е – первая половина 1940-х гг.) // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 1. С. 127-151. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2017.18\(1\).127-151](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2017.18(1).127-151), <https://elibrary.ru/yjvzvz>
6. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6-25. <https://elibrary.ru/olgbgq>
7. Безгин В.Б. Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905–1907 годов // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. № 3. С. 63-77. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77>, <https://elibrary.ru/fjgxm>
8. Ипполитов В.А. Революция 1905–1907 гг. в воспоминаниях крестьян Тамбовской губернии // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 726-738. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-3-726-738>, <https://elibrary.ru/naivdg>
9. Вязинкин А.Ю., Якимов К.А. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296-1303. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>, <https://elibrary.ru/carsng>
10. Слезин А.А. Межпоколенческий разлом российской деревни: влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 446-477. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477>, <https://elibrary.ru/qjffcd>
11. Пушина Л.Ю. Поколение как социокультурная общность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 3 (23). С. 28-34. <https://elibrary.ru/phdcqy>
12. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с. <https://elibrary.ru/rvbgrh>
13. Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М.: Новая Москва, 1926. 158 с.
14. Население России в XX веке: Ист. очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2000. Т. 1. 463 с.
15. Большаков А.М. Деревня: 1917–1927. М.: Работник просвещения, 1927. 472 с.
16. Безгин В.Б. Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне (1880–1920-е гг.) // Право и политика. 2010. № 5. С. 972-977. <https://elibrary.ru/lwqppr>

References

1. Esikov S.A. (2004). *Krest'yanskoe khozyaistvo Tambovskoi gubernii v gody nehpa* (1921–1928 gg.). Tambov, Tambov State Technical University Publ., 126 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqemsn>
2. Davydov D.V. (2010). *Krest'yanstvo TASSR v usloviyakh nehpa: istoriko-demograficheskaya kharakteristika*. Kazan, Kazan National Research Technological University Publ., 227 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qpuzoj>
3. Zhiromskaya V.B. (2018). Demographic characteristics of the gainfully employed population of the RSFSR in the 1920s – mid-1930s. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya. Kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, no. 4, pp. 66-70. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2018.4.14>, <https://elibrary.ru/yvqvrj>
4. Isupov V.A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 244 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tzvtfp>
5. Romanov R.E. (2017). “Children of nep”: young workers of the Siberian rear as an economic and demographic phenomenon (1920s – first half of the 1940s). *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, vol. 18, no. 1, pp. 127-151. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2017.18\(1\).127-151](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2017.18(1).127-151), <https://elibrary.ru/yjvzvz>
6. Shanin T. (2005). *Istoriya pokolenii i pokolencheskaya istoriya. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, no. 3, pp. 6-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/olgbgq>
7. Bezgin V.B. (2023). Peasant children and adolescents in the agrarian protests of 1905–1907. *Krest'yanovedenie = Russian Peasant Studies*, vol. 8, no. 3, pp. 63-77. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77>, <https://elibrary.ru/fjgxm>
8. Ippolitov V.A. (2023). The revolution of 1905–1907 in the Tambov Gubernia peasants' memoirs. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 726-738. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2023-3-726-738>, <https://elibrary.ru/naivdg>
9. Vyazinkin A.Yu., Yakimov K.A. (2022). Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Se-*

- ries: *Humanities*, vol. 27, no. 5, pp. 1296-1303. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>, <https://elibrary.ru/carsng>
10. Slezin A.A. (2023). Intergenerational rift in Russian village: impact of “anti-religious offensive” of communist youth at turn of the 1920–1930s. *Nauchnyi Dialog*, vol. 12, no. 3, pp. 446-477. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477>, <https://elibrary.ru/qjffcd>
 11. Pushina L.Yu. (2011). Generation as socio-cultural community. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, no. 3 (23), pp. 28-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/phdcqy>
 12. Zhiromskaya V.B. (2012). *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rvbgrh>
 13. Murin V.A. (1926). *Byt i nrvy derevenskoi molodezhi*. Moscow, Novaya Moskva Publ., 158 p. (In Russ.)
 14. Polyakov Yu.A. (executive ed.) (2000). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki v 3 t.* Moscow, t. 1, 463 p. (In Russ.)
 15. Bol'shakov A.M. (1927). *Derevnya: 1917–1927*. Moscow, Rabotnik prosvetleniya Publ., 472 p. (In Russ.)
 16. Bezgin V.B. (2010). Detoubiistvo i plodoizgnanie v russkoi derevne (1880–1920-e gg.). *Pravo i politika = Law and Politics*, no. 5, pp. 972-977. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lwqprp>

Информация об авторах

Ипполитов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Коммуникационные аспекты исторического и социально-экономического развития общества», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>
Scopus ID: 58616569100
vladimir.ippolitov@mail.ru

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Коммуникационные аспекты исторического и социально-экономического развития общества», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0002-7074-6823>
vladyka62@mail.ru

Поступила в редакцию 18.07.2024
Получена после доработки 06.09.2024
Принята к публикации 17.10.2024

Information about the authors

Vladimir A. Ippolitov, Cand. Sci. (History), Senior Research Scholar of Science Research Laboratory “Communication aspects of historical and socio-economic development of society”, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0001-9327-3865>
Scopus ID: 58616569100
vladimir.ippolitov@mail.ru

Vladimir B. Bezgin, Dr. Sci. (History), Professor, Leading Research Scholar of Science Research Laboratory “Communication aspects of historical and socio-economic development of society”, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0002-7074-6823>
vladyka62@mail.ru

Received 18.07.2024
Revised 06.09.2024
Accepted 17.10.2024